

Матьяна
Алюшина

Читайте романы Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна Люшина

Утоли
мои печали

Роман

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной
Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Утоли мои печали : [роман] / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-165752-9

Много лет Григорий Вершинин не бывал в родном доме. Несправедливо обвиненный близкими в смерти деда, он бесприютно скитался по свету и считал себя извечным бродягой. Но пришло время разобраться в том, кто же истинный виновник произошедшей трагедии, и, быть может, обрести свое счастье. Да только сыщется ли женщина, способная отогреть замерзшую душу?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2022
© Оформление.

ISBN 978-5-04-165752-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Он стоял возле окна своей старой детской комнаты, засунув руки в карманы брюк, и задумчиво глядел на вершины деревьев, сплошной стеной тянувшихся, казалось, аж за горизонт. Привычный, сколько он себя помнил, пейзаж неизменно вызывал в душе беззаботную, наполненную солнцем радость. Так бывает, когда схватил теплый пирожок с малиной с только что вытщенного из печи противня, и от одного запаха кружится голова, принося простое незамысловатое абсолютное детское счастье.

Он любил этот дом, как любим мы те места, в которых в детстве всегда было радостно до мурашек и внутреннего визга восторга, где ощущалась абсолютная защищенность, в которых прошли только самые лучшие дни, месяцы и годы, не омраченные ничем тягостным, как любим и помним мы всей глубинной памятью лучшее, что случалось с нами в детстве.

Разумеется, много хорошего происходило с ним и дома, в Москве, в родном дворе и шко-

ле, но там жизнь шла по-другому. Совсем по-другому.

Была школа, расписание, распорядок дня, учеба и определенные каждодневные обязанности, порой достававшие до печенок, бывали ссоры и конфликты с друзьями и строгие наказания родителей — ну а как же, а как же! Были и радость познания жизни, мира, веселые игры, настоящая дружба, пацанское становление и взросление, как у всякого мальчишки, росшего в нормальной семье, но была и рутина.

А вот здесь, в старом родовом доме, для него все складывалось иначе. Совсем.

Практически каждое лето, а порой и с мая по сентябрь, Гриша проводил здесь, в усадьбе, а став школьником, так и каждые каникулы — летние, осенние, зимние и весенние и все праздники, как общегосударственные, так и общесемейные.

И это была другая жизнь!

Звнящая радостью, свободой и счастьем!

Свобода-а-а!! Вот основной девиз этой жизни!

Гришу, троих двоюродных братьев и сестру, также проводивших здесь большую часть своих каникул, взрослые баловали самым откровенным образом, предоставив детей самим себе и своим играм, не нагружая никакими обязанностями. Так, иногда засылали в магазин на станцию за какой-нибудь мелочовкой, хлеб купить или еще что, или сгонять за козьим моло-

ком к бабе Ксении, да и то это воспринималось скорее как одно из развлечений — на великах наперегонки: кто быстрее доедет или кто залихвастей восьмерки закрутит на скорости.

А в общем и целом девиз семьи сводился к основному постулату: пусть дети отдыхают. Понятное дело, в разумных пределах, с определенными запретами в русле безопасности, со строгим ограничением разрешенных к посещению мест и развлечений.

И, как водится, с постоянным нарушением детьми данных запретов, пока не засекали.

И вот ты просыпаешься утром и понимаешь-вспоминаешь, что весь огромный день и еще более огромный мир этого дома, участок, поля-луга, леса и реки принадлежат тебе и ты волен делать то, что придумашь, и совершенно сво-бо-ден! И такое счастье переполняет твою детскую душу, что невозможно передать, даже перенести это счастье невозможно!!

Он с друзьями мотался по всему поселку и горланил на всю возможную громкость своих легких от переизбытка восторга, оповещая мир об этом безграничном счастье, залезал во все запретные места и, замирая от страха, нырял в страшный омут на реке или прыгал с крыши заброшенного дома и подсматривал за девчонками в бане и... чего только не придумывали они!

А сам дом всегда ждал своих маленьких героев, наполненный печным теплом, особым,

неповторимым запахом — дурманящим, невероятным ароматом свежего печева: пирогов, пирожков, смешивавшегося с запахами травяного чая, блинов, малины, духмяных щей или пельмешек. А еще старинных книг, тяжелых портьер, еле уловимого тона мастики и воска, красного дерева, цветов, картин.

И он стрелой несся по ступенькам через веранду, влетал в дверь, и все эти запахи и уютное тепло дома тут же незримо обнимали его, обволакивали, приглаживали растрепанные вихры и шептали на ухо, что все всегда обязательно будет так же хорошо, как сейчас! А как же! Ведь у него навсегда-навсегда есть этот дом, который защитит, убаюкает, примет любым, исцелит боль и убережет от всего плохого...

Не уберег и не исцелил...

Григорий почувствовал, как от воспоминаний, вызвавших реальные ощущения того далекого беззаботного счастливого детства, нахлынувших непрошено и накрывших лавиной, погрузив его в те простые и такие радостные чувства, вдруг перехватило горло и защипало глаза.

Вжик-вжик-вжик...

Что за звук? Он с силой тряхнул головой, прогоня предательскую сентиментальность, жесткими пальцами стер так и не проступившие слезы, вытаскивая себя из ненужных эмоций.

Так, что за звук? Сосредоточился на реальности. Он улавливал этот звук какое-то время назад, но так, краем сознания отметив его на-

вязчивость и непонятность, пока предавался воспоминаниям, а сейчас вот воспринял уже осознанно и даже порадовался поводу отвлечься от прошлого.

Вжик-вжик-вжик — размеренно так, отчетливо скрипело, и бубнеж какой-то еще доносился, но тоже размеренный, в такт этому вжiku странному. Григорий прислушался и усмехнулся про себя, отмечая первую, самую возможную версию:

«Не-а. Не секс ни фига — ритм другой. — И нахмурился: — А откуда это вообще? Сверху, что ли? Точно, сверху!» — понял он.

— Так! И что происходит? — вслух спросил Вершинин бог знает у кого, у Духа дома, наверное.

Эта «келья», как ее называли взрослые, — комнатка, в которой проживали всегда Гриша и двоюродный брат Костя, его закадычный друг и соратник по всем проказам и делам мальчишеским, который был старше Григория на один год, располагалась на самом верху дома — на третьем этаже, состоявшем всего из трех небольших комнаток, а выше находился только чердак под коньком крыши.

Понятное дело, чердак, на котором складировали старые, отслужившие свое вещи или убирали на время сезонные или такие, которыми редко пользуются.

И ясно как день, что чердак был для малышей местом особых игр, забав и прятков, облази-

ли они его вдоль и поперек до последнего гвоздя. К тому же там в любое время года было сухо, а зимой не холодно благодаря проходившей тут печной трубе, и не жарко летом, и просторно-о-о — на всю площадь третьего этажа, а в центре до потолочных балок, так и метра три с половиной будет — самое то, для детских игр в таинственное.

Вот интересно, кто там сейчас веселится и как? Звук непонятный — железный скрежет какой-то.

Радуюсь поводу покинуть комнату, навевшую столько воспоминаний, да и сами воспоминания, Вершинин решительно отправился выяснять.

Дверь, венчавшая ведущую на чердак лестницу, была распахнута, и неопознанные звуки здесь слышались более отчетливо.

Вжик-вжик-вжик — железно скрипело что-то, и не то детский, не то девичий голос в ритме с вжиком повторял какие-то слова, неразличимые пока, похожие на стишок или считалку.

Григорий поднялся по лестнице, вошел на чердак и двинулся на звук в левую от двери, дальнюю часть помещения.

— Ка-кой... чу-дес-ный... день! — разобрал он, наконец, слова.

У стены, под коньковым окном крыши стояла старая железная кровать с наброшенным на сетку матрасом, на котором прыгала девушка и, ничего не замечая вокруг, самозабвенно

пела, а скорее проговаривала в такт каждому своему прыжку:

— Ка-кой... чу-дес-ный... пень! Ка-кой... чудес-ный... я! И... пе-сен-ка... моя!

Кровать Григорию была знакомой, а вот де-вушка — нет.

Он даже усмехнулся вновь охватившим его при взгляде на кровать воспоминаниям. Старинная, железная, двуспальная, с шишечками на рогах спинки. На этой кровати давным-давно, наверное, еще в войну, спали бабушка с бабушкой, а затем ее отправили на чердак.

Но не в бессрочную ссылку — периодически, когда гостей набиралось в доме много и спальных мест не хватало, старушку доставали с чердака, протирали от пыли, смазывали машинным маслом, снова протирали и устанавливали либо в одной из комнат, либо во дворе под навесом. И по утрам, когда неосмотрительные гости просыпались и покидали это ложе, Гриша с Костиком быстренько забирались на нее и прыгали от души, как можно выше, сбивая в ком простыни, одеяла, скидывая подушки на землю и громко хохоча от восторга, пока кто-нибудь из взрослых не прекращал это безобразие, совсем не грозным голосом обещая наказать и причитая, что «пацанва бестолковая» порвут сетку на раритете!

Сетка та, кстати, даже не провисла ни на сантиметр, наверное, с той самой войны, да и продержится она еще как минимум лет сто.

Люди тогда умели делать вещи.

Но сейчас Вершинин вдруг почувствовал легкий укол ревности из-за того, что эта незнакомая девушка прыгает на его железной подруге детства, как на своей, словно имеет на это полное право! Прыгает и радуется жизни, и читает какие-то глупые стишки! А он тут...

— Вы что делаете? — грозно возмутился Вершинин взрослым, несколько ворчливым голосом.

Не переставая скакать, девушка короткоглянула на него и, весело рассмеявшись удивительным, звонким, заразительным смехом, звучащим, как серебристые колокольчики, продекламировала в ответ по слогам, в такт своим прыжкам:

— А... что? Есть... ва-ри-ан-ты... трак-товки... то-го... что... я... де-ла-ю?

Она прекратила прыгать и, подчиняясь быстро затухающим колебательным движениям сетки, спружинив пару раз ногами, сгибая их в коленях, остановилась окончательно, развернулась к Григорию и принялась рассматривать с нескрываемым интересом, чуть склонив голову к плечу.

И это явно привычное, неосознанное движение девичьей головки на какое-то мгновение вдруг неуловимо кого-то напомнило ему, или не напомнило, а вызвало в груди тепло и что-то похожее на радость узнавания родного человека.

Вершинин так же внимательно рассматривал девушку и четко понимал, что раньше ее не видел.

Невысокая, но не тощая, а ладненькая такая, справная. Очень белая кожа и темно-рыжие, цвета благородной меди, крупными волнами, локонами и мелкими кучеряшками-завитушками струящиеся ниже лопаток густые волосы оттеняли эту белизну кожи, придавая ей изысканности. Чуть-чуть вздернутый носик, не до явной курносости, но намекающий на нее, упрямый круглый подбородочек, сочные губки, идеальный овал лица, ровные бровки, высокий лоб — и все намеками, как в размытой акварели, в этом чердачном полумраке при тускло-ватом свете из запыленного окна, не дающего возможности рассмотреть подробно черты ее лица.

Но странное, неосознанное чувство вдруг родилось где-то в подсознании у Григория и начало заполнять, вызывая теплоту в груди — ощущение какой-то близости, единения с этой девушкой, светлой радости узнавания и чего-то неясного, будоражащего... И, чтобы отделаться от всей этой ерунды непонятной, Вершинин чуть более строго, чем надо бы, повторил:

— Что вы здесь делаете?

— Рассматриваю вас, — весело ответила она. Спустилась с кровати на пол босыми ножками и продолжила объяснения: — Но если вы о причине моего появления здесь, то она про-

ста: была отправлена Глафирой Сергеевной за старыми альбомами с фотографиями. Но, когда я добралась до чердака, вы триумфально въехали на участок, и весь улей тут же растревожился и возбудился необычайно. Альбомы я нашла, но поняла, что они уже не актуальны в связи с вашим столь неожиданным появлением, и решила немного попрыгать.

— А что вы там напевали? — нелогично даже для самого себя вдруг спросил Вершинин почему-то тем же строгим тоном.

— А-а-а, это песенка из старого мультика про мышонка с завышенным эго, — пояснила девушка, обувая легкие босоножки, придерживаясь рукой за спинку кровати. — Кстати! — выпрямилась незнакомка, обувшись, и снова посмотрела на Вершинина в упор. — Я заметила, что вы очень напряжены и слишком серьезны, — и она приглашающим широким жестом повела рукой в сторону кровати. — Рекомендую попрыгать. Снимает напряжение, улучшает настроение и для организма приятно и полезно.

— Да вы что? — несерьезно возмутился Григорий. — Доконать старинную хорошую вещь?

— Да будет вам! — рассмеялась звонко девушка и махнула беззаботно рукой. — Ничего ей не сделается вовек! Это же вещь! Вещище! Хоть упрыгайся! Небось уж вы-то в детстве на ней отплясывали целой компанией, и ничего, жива кроватка и нас еще переживет! — И снова

предложила: — Давайте! Вот увидите, как вам сразу здорово станет, еще попейте что-нибудь, и совсем хорошо себя почувствуете. К тому же это намного интересней, чем, скажем, прыгать на батуте, хотя бы потому, что считается неправильным и вроде как запретным.

А он задумчиво посмотрел на кровать...

И...

«Ну, это уже полный абзац, Вершинин!» — предпринял он мысленную попытку остановить себя.

И... пока не передумал, подошел к кровати, скинул мокасины, поднялся на сетку и осторожно, не отрывая ног, распрыгиваясь для начала...

— Какие там слова у вашей песенки? — спросил он у незнакомки, подпрыгивая все сильней.

— Какой чудесный день! — подсказала она весело.

— Ка-кой... чу-дес-ный... день, — подпрыгивая все выше и выше, полупел-получитал он.

— Какой чудесный пень! — подсказывала она дальше.

— Ка-кой... чу-дес-ный... пень! — пел он.

— Какой чудесный я!

— Ка-кой... чу-дес-ный... я!

— И песенка моя! — смеялась звонко девушка.

— И... пе-сен-ка... мо-я! — прыгал Григорий.

Он прыгал и прыгал и чувствовал, как практически сразу отпустило напряжение, которое сковало его еще при подъезде к поселку, да так

и не отпускало до этой минуты, чувствовал, как растворяется и уходит куда-то невольная тревога и темное в душе и мыслях, тяготившее все эти дни, с того самого момента, как он принял решение приехать сюда, в «родовое гнездо» на праздник.

Он прыгал все выше и выше и повторял эту нелепую песенку, а девушка смеялась заразительно, и было это действительно здорово...

Он остановился, попружинив ногами.

— Ну, вот и с приездом! — звонким от смеха голосом поприветствовала его девушка.

Вершинин спустился на пол, обул мокасины и, посмотрев на нее, спросил веселым тоном, заразившись ее радостью жизни и улыбаясь в ответ:

— А вы кто такая?

— О-о-о! — подняв указательный пальчик, смеясь, заявила она с наигранной таинственностью. — Я такая. Такая!

И вдруг развернулась и быстро ушла, на ходу махнув ручкой на прощание и оставив его слушать ее удаляющийся негромкий смех-колокол.

— И что это было? — с недоумением вслух спросил Вершинин.

И рассмеялся, качая головой от комичной нелепости ситуации — не, ну надо же! Какая-то совершенно незнакомая девица вот так — на раз-два, уболтала его впасть в детство и поскакать на старой кровати. Да еще песенку петь при этом! Дурацкую!

Не, представить только... Он! Прыгает на кровати!..

Но вообще-то... настроение-то улучшилось, как говаривал Гришковец. Причем не просто улучшилось, а кардинально улучшилось, помогла-таки кроватетерапия, а?! Девушка ведь была права!

Он неторопливо спустился на первый этаж, прошел в большую гостиную и сразу увидел бабушку, сидевшую в своем любимом знаменитом «королевском» кресле с высокой спинкой, и ту самую незнакомую девушку с чердака, пристроившуюся рядом с креслом на корточках, о чем-то весело рассказывающую бабушке, которая посмеивалась ее рассказу и неосознанно поглаживала ее по ладошке жестом особого расположения и даже любви.

Незнакомка заметила Вершинина, что-то тихо сказала бабуле, поднялась с корточек, коротко поцеловала Глафиру Сергеевну в щечку и вышла из комнаты через дверь, ведущую на веранду.

— Обо мне сплетничали? — подойдя к бабуле, посмеиваясь, спросил Григорий.

— Ну, а о ком еще беседовать девушкам, как не о мужчинах, — улыбалась радостно ему бабуля.

Он подтянул стул от стола, поставил его рядом с креслом Глафиры Сергеевны, сел, поцеловал ее в щечку и обнял рукой за плечи.

— Ба, — спросил он, — а кто это?

— Как кто? — поразились бабуля и даже отстранилась, чтобы лучше видеть выражение его лица. — Не узнал, что ли?

— Не-а. — И поинтересовался: — А что, должен был?

— Подразумевалось, что да, — усмехнулась Глафира Сергеевна. — Ты ж ее даже замуж звал.

— Поклеп и навет, — тут же уверил Григорий с наигранной серьезностью и поклялся: — Ни одной даме я не делал столь опрометчивого предложения, — даже руку поднял с раскрытой ладонью, жестом, поддерживающим клятву.

— А этой вот делал! — рассмеялась бабуля и переспросила: — Что, действительно не узнал? Это ж соседская Марьяна, дочь Добродеевых.

— Да ты что-о-о! — совершенно искренне поразился он и непроизвольно посмотрел в направлении, в котором скрылась девушка, словно надеялся ее увидеть.

— Какая красавица стала, а? — спросила бабуля, словно ребенка любимого нахваливала.

— Да я особо и не разглядел, — признался задумчиво Григорий.

— А ты приглядиись, приглядиись, — серьезно посоветовала Глафира Сергеевна. — Она не просто красавица, она умница необычайная, рукодельница и труженица великая, — и, сделавшись вдруг совсем серьезной, глядя в глаза внуку, добавила: — И она стала очень близким, родным мне человеком. Живет в поселке постоянно уж три года и спасает меня все это

время от одиночества и тоски. Да и не только от них. — И вдруг снова сменила настроение и заулыбалась загадочно. — Вот ты бы женился на ней, так я бы уж как счастлива была. И за тебя сердце бы не болело.

— Ба, да ты что? — недоуменно посмотрел на нее внучок. — Она ж ребенок совсем! Я не по этим делам! Это мимо! Ты что?

— Какой ребенок?! — рассмеялась от всей души бабуля. — Это она ребенком была, когда ты ей жениться обещал, а это ж когда случилось? Двадцать лет прошло! Ей уж нынче двадцать пять исполнилось. А ты — ребенок!

— Офигеть! — ошарашенно заметил Григорий, обнял Глафиру Сергеевну двумя руками и, положив голову ей на плечо, вздохнул печально: — Ба, по ходу, это не она малолетка, а выходит, что я уже старый козлище, — и повторил ошарашенно: — Двадцать лет! Трындец!

— Ты не старый, — посмеиваясь с нежностью, сказала Глафира Сергеевна, погладив его по голове. — Старая у нас здесь я — одна за всех. А ты мужчина, вошедший в самую лучшую пору. Молодые дурковатые. Жениться тебе надо, Гришенька, — вздохнула она, продолжая его поглаживать. — Да за женщиной хорошей и надежной жить, в счастье и радости. Тогда и мотаться по свету перестанешь, непонятно от чего бегая, — помолчала и вдруг засмеялась тихонько: — А помнишь, как ты ей предложение-то сделал?

— Ну, еще бы! — засмеялся с ней Григорий. — Такое разве забудешь! Это ж легенда семьи! Эпос!

Июль в тот год был не яростно жарящий, а переменный, как ветреная женщина — то неделю жара несусветная палит, то резкое похолодание и даже дождик зарядит надолго с осенним намеком, то снова жара. Неизвестно как кому, а природе подмосковной эти перепады были явно в удовольствие и на пользу. Вместо вечно желто-сухой жесткой стерни, во что обычно в это время превращались луга, просторы ярко зеленели сочной травой, окрасившись чуть ли не как в мае.

Гриша с родителями ехал в «родовое гнездо» на отцовском стареньком «опельке», купленном в прошлом году у знакомого, гонявшего машины из Европы и продавшего его с очень большой уступкой по той причине, что эту машину пытались у них «отжать» в Польше дорожные бандиты, погоня была жесткой, и движок нехило так побили. Но Павел Петрович, посмотрев машину, предложил посмотреть ее и сыну и поинтересовался его мнением со всем уважением и вниманием:

— Ну, что думаешь, Гриш, брат? Сделаем?

— Да сделаем, батя, не вопрос, — вытирая руки ветошью, солидно уверил семнадцатилетний Григорий отца. — Сам же видишь.

Еще бы не сделать! Они с отцом из мусора болид скоростной сделать могут вполне реально!